

Человек здесь только прохожий, словно говорили горы.

Из скалы вставал мощный гребень высотой в тысячу метров, серый, испещренный белыми жилами, с каждым порывом ветра дымившийся завитками пыли, — головокружительный хребет, замыкавший долину, укрывавший деревню Ла-Жьеттаз своей вечной тенью, которую не могла прогнать даже сила древнего солнца.

Эта гора возвышалась над округой миллионы лет и простоит здесь по крайней мере еще столько же.

Деревня, ютившаяся в уступах каменного исполина, состояла из десятка домов из кирпича, досок и шифера — отдаленных потомков хлипких шалашей, наследников менее древних лачуг из глины и веток, которым грозила каждая буря, зима или ненастье. Здесь весь пейзаж напоминал, что человек лишь временное явление на поверхности Земли. Всего лишь цепкий паразит: прошел — и нету, и скоро о его существовании будут говорить только останки былой цивилизации. А гора и не вспомнит о том, что он путался у нее под ногами и входил в ее лоно.

Но пока на этой спокойной глыбе виден мимолетный след человека — темнеющая в утреннем свете тонкая нить, искусно уложенная по склону, узкая лента гудрона, петляющая от деревни до середины горы.

Алексис Тиме вел машину, пригнувшись к рулю, пальцы едва виднелись из рукавов пуховика. Отопле-

ние в этой взятой напрокат машине не работало. Толстый шарф обвивал шею, словно змея, готовая удушить жертву. Каждый выдох порождал мимолетную химеру, которая тут же таяла в салоне. Алексис вообще не любил водить в горах. Альпы в этом плане ничего приятного не сулили.

Маленький «опель-корса» притормозил, входя в крутой поворот, затем прибавил газу на подъеме, один за другим преодолевая извивы дороги. Алексис ехал быстро, форсируя мотор на позднем переключении передач, словно хотел поскорее оторваться от Ла-Жьеттаз. К счастью, снега на этой высоте не было — пока еще, — октябрь только начинался.

Он взглянул на картонную папку, на поворотах ерзавшую по пассажирскому сиденью.

Символ *e, написанный от руки толстым черным фломастером, выделялся на фоне красной обложки.

Красная, как кровь, подумал Алексис.

Не время гонять в голове такие мысли!

Лучше сосредоточиться на дороге. До въезда на ферму осталось совсем немного, если в деревне правильно указали дорогу.

Чуть выше, на середине поворота, меж елей начинался заезд, обозначенный крохотной деревянной табличкой, поблекшей от непогоды. На ней с трудом читалось название «Ла-Монжетт».

Алексис почти приехал.

«Корса» запрыгала по гравию и углубилась в просеку посреди леса, жмущегося к склону горы, которая в итоге вывела ее к небольшой поляне, где располагалась старинная каменная ферма.

Алексис проехал вдоль служебных построек и припарковался рядом с выдавшим виды джипом. Прежде чем выйти из машины, огляделся.

Полный покой. Ветви огромных хвойников замерли, не шелохнулись. Ни тени жизни.

Внезапно на капот слетела крупная галка, и Алексис вздрогнул. Раскрыв клюв, птица сделала пару шагов и повернула голову, как бы желая получше рассмотреть молодого человека черными бусинами глаз. Кажется, ее заинтриговала струйка пара, вылетевшая изо рта у жандарма. Затем галка, так же беспричинно, как появилась, снялась с капота и перелетела на высокую ветку.

Алексис сгреб красную папку и выбрался на холод.

Из трубы фермерского дома шел густой дым. По крайней мере, там кто-то есть.

Дрогнула занавеска, сдвинулась и вернулась на место, и вскоре к нему вышел человек.

Около пятидесяти, лысый, глаза зеленовато-серые, почти прозрачные. Алексис сразу узнал его.

Ришар Микелис.

Однако выглядел он гораздо выше и крупнее, чем на фотографиях. Плечи, руки — такими хоть лес валить.

— Приехали заниматься математикой? — спросил он ровным глубоким басом, словно идущим из самой земли.

— Что, простите? — спросил Алексис в замешательстве.

— Вы к моей дочери Саше? Репетитор?

Вдруг осознав, что он в штатском, Алексис замотал головой и протянул руку.

Микелис сжал ее, ладонь была мозолистая, натруженная, пальцы довольно тонкие, но рукопожатие оказалось весьма ощутимым.

— Старшина жандармерии Алексис Тиме, парижский отдел расследований. Можете уделить мне немного времени?

Микелис резко напрягся, взгляд стал пристальней. Он так впился глазами в молодого жандарма, что тому

стало не по себе: будто мясник нацепил его на крюк, как тушу, и сейчас подвесит. Гипнотический взгляд. Ришар Микелис был весь как сжатая пружина.

— Что-то с женой? — спросил он, не мигая.

— Нет-нет, лично вас дело никак не касается, не волнуйтесь. Это... немного сложно, можно я войду в дом и все вам изложу?

— Вы ведь в курсе, что я больше не работаю ни с полицией, ни с жандармерией, да?

— Мне сказали.

— Тогда зачем вы приехали?

— Мне нужно с вами поговорить.

Ришар Микелис скрестил руки на груди, под одеждой проступили мощные мускулы. Он был одет в шерстяной свитер поверх футболки, но казалось, не замечал холода.

— Я приехал из Парижа специально, чтобы с вами встретиться, — повторил Алексис.

— Я больше не консультирую. Вам стоило позвонить, тогда не пришлось бы зря мотаться. Извините.

— Я знал, что по телефону вы откажете сразу, поэтому привез вам это.

Алексис поднял к груди красную папку.

Зрочки в серо-зеленой оправе взяли папку на прицел.

— Похоже, вы не поняли, молодой человек: я ушел в отставку.

— Вы лучший криминолог в стране, если не в Европе. Мне нужно ваше мнение. Это важно. Поверьте, в иной ситуации я бы не стал вас беспокоить. Позвольте мне просто изложить вам то, что находится в этой папке.

Ришар Микелис глубоко вздохнул, не скрывая раздражения.

— Молодой человек, с меня хватит. Я больше не практикую, вы зря потратили время.

Микелис развернулся, чтобы снова войти в дом, но Алексис окликнул его:

— Я знаю, вы ушли с работы, чтобы быть ближе к родным, чтобы полностью посвятить себя семье, но мы в тупике! Нам нужно мнение эксперта, свежего человека! Я прошу всего несколько минут, я не буду пытаться вернуть вас на службу, нужно просто ваше мнение...

Микелис замер, потом развернулся и снова взглянул на него:

— Мнение за несколько минут не составить, это так не работает.

— Я могу оставить документы, вы прочитаете, когда будет время. И потом мне пере...

Микелис поднял руку, прерывая его:

— Я вышел в отставку, потому что эта работа съедает человека изнутри. Чтобы понять насилие, надо впустить его в себя, и оно постепенно расплзается внутри, заражает всю систему мышления, окрашивает чувства, проникает в фантазии; это настоящая зараза, понимаете? И я не хочу воспитывать детей, держа эту дрянь в голове.

Алексис серьезно кивнул.

— Насилие — вещь заразная, — сказал он. — Как ни крути.

Микелис взглянул на собеседника, и тому стало не по себе от его почти белых глаз.

— Да, это заразно, — негромко подтвердил он.

Жандарм помахал перед ним папкой:

— Об этом и речь. Мы обнаружили эпидемию. Нового вида. И вы единственный специалист, который может нам помочь.

— Нет, не единственный; наведите справки, молодой человек. И в отличие от меня другие с радостью придут на помощь.

— И так же не смогут разобраться, как и мы.

Микелис вздохнул: разговор его утомлял.

— Все действительно серьезно, — в отчаянии повторил Алексис.

— А почему вы считаете, что я компетентнее любого другого?

— Ваш опыт. Ваши результаты. Вы лучше всех. Вы не только энциклопедия криминалистических знаний, вы чувствуете преступление, вы умудряетесь понять преступника, говорить на его языке. Я прочел о вас все. Это я убедил нашего полковника позволить мне обратиться к вам.

— Лесть вам, к сожалению, не поможет.

— Я рассчитываю на ваше любопытство, — тут же ответил Алексис. — Того, что я вам покажу, вы еще нигде не видели. — Его словно лихорадило, голос звучал сбивчиво. Он собрался с силами и, глубоко вдохнув, добавил: — Мы запутались не потому, что это небывалое преступление, а потому, что разгадать его нам не по силам.

Микелис заинтригованно наклонил голову. Несколько секунд молчал. Галка со своей ветки наблюдала за сценой. Потом с протяжным насмешливым криком улетила вниз, в долину.

— Чтобы жандармы признали, что ничего не понимают... Видимо, вы и вправду влипли, — сказал наконец Микелис. — К обеду вернется жена, мне надо, чтобы вы уехали раньше.

Он посторонился и указал на дверь фермерского дома.

— У вас меньше часа.

Ришар Микелис поставил на красно-белую клеенку две чашки горячего кофе.

Огонь потрескивал в камине, в кухне еще витал запах тостов.

Алексис с порога гостиной оглядел просторную комнату со множеством старых вещей и семейных фотографий в рамках, висевших на стенах. Ришар Микелис и его дети, девочка постарше и мальчик помладше, рядом со смуглой женщиной с длинными кудрявыми волосами. На всех снимках — они. На лыжах, на море, в Диснейленде, в лесу, за семейным столом — десятки фотографий, сделанных в стремлении не упустить ни секунды из этих моментов счастья.

— Мои тотемы, — сказал ему в спину Микелис.

— Как вы сказали?

— Вы же смотрели на фотографии? Это мои тотемы. Они берегут меня от сглаза. Здесь мой кокон, мое гнездо. Садитесь.

Он подвинул чашку с кофе ближе к жандарму.

— Похоже, вам здесь хорошо.

— Я не жалею, что вышел в отставку, — быстро ответил Микелис, — если вы об этом. Здесь, в горах, мне спокойно, и моя стая со мной. Я не хочу тащить сюда призраки прошлого. Поэтому вы сейчас быстро расскажете мне свое дело, удовлетворите мое любопытство,

а потом отзвонитесь вашему полковнику и скажете, что я вас выслушал, но ничем не помог. А после вернетесь в долину, сядете на поезд и донесете до всех и каждого: в любом, даже худшем, случае Ришар Микелис не вернется на работу. Слушаю вас.

Алексис сглотнул, сжал ладонями горячую чашку, потом хотел было взять красную папку, но собеседник резко остановил его:

— Нет, никаких фотографий и отчетов. Я хочу услышать дело из ваших уст. Вашими словами.

Жандарм медленно покачал головой. Он выпрямился на скамейке так, что хрустнули позвонки. Он искал, с чего начать.

— Давайте с главного, — подсказал Микелис негромко, словно читая его мысли.

Алексис решил идти по хронологии:

— Первую жертву нашли на берегу Марны в департаменте Сена и Марна, недалеко от забытой богом деревушки под названием Аннет.

— «Первую жертву», то есть у вас серия преступлений?

Алексис кивнул.

— Это был конец июня. Жертва оказалась... очень сильно повреждена. И не из-за того, что ее нашли в воде, — тело оставалось там недолго. Следы многочисленных травм. Пытки, изнасилования — все по полной. Множественные следы удушения, накладывающиеся друг на друга. Сначала судмедэксперт решил, что убийца не сразу сумел ее задушить и потому три или четыре раза брался за дело. Но были и характерные признаки реанимации: гематомы в грудино-реберной области, синяки на носу и так далее. Очевидно, что тот, кто это с ней делал, истязал ее, насиловал и душил, пока она не оказывалась на грани смерти. И тогда он возвращал ее

к жизни. Он делал это несколько раз, пока она не ушла окончательно. Ее звали Клэ...

— Без имен. Продолжайте.

Немного сбитый с толку, Алексис облизнул губы, прежде чем продолжить:

— Вторую жертву нашли в лесу недалеко от Порт-Марли, в департаменте Ивелин, в самом начале августа. Опять женщина, на этот раз чуть постарше, тридцати трех лет. Те же травмы, тот же почерк, те же попытки душисть, а затем реанимировать жертву до тех пор, пока она не умрет.

— Ивелин не в вашем секторе, при чем тут вы?

— С две тысячи двенадцатого года парижский отдел расследований обладает юрисдикцией на национальном уровне. Нам могут передавать дела со всей страны, если они связаны с расследованием, которое ведется у нас. Тут как раз такой случай.

— Как вы установили связь между этими двумя убийствами? Почерк преступника?

— Да. Он душист жертв их собственным нижним бельем, одновременно насилюя, затем реанимирует, чтобы снова насилловать, и так далее. К тому же в обоих случаях он действовал в домах своих жертв: мы обнаружили там следы борьбы, кровь, сперму... Но ни в том, ни в другом случае никаких следов взлома. Поэтому и прозвище ему дали — Фантом. Но это еще не все. Он вырезает у них на спине букву.

Микелис удивленно поднял брови:

— Из букв складывается слово?

— Нет, буква всегда одна и та же — *e*. И перед ней звездочка.

На этот раз Алексис вытащил из красной папки фотографию и подвинул ее по столу ближе к криминологу.

Розовая кожа, множество родинок на пояснице.

И — вспоротый валик кожи ниже лопаток, малиновая борозда вместо чернил, странное послание, как клеймо, глубоко впечатавшееся в плоть: *е.

— Две жертвы менее чем за четыре месяца, — заметил Микелис.

— У этого убийцы — да.

Не выпуская фото из рук, Микелис поднял на жан-дарма свои прозрачные глаза:

— А что, есть и другой?

— Если только этот тип не страдает раздвоением личности. В период с июля по сентябрь на востоке Франции в безлюдных местах обнаружены три жертвы. Этот преступник долго жертв не мучает, убивает довольно быстро, способы разные. Задушил только одну. Настоящий бешеный зверь. Нелюдь.

— А что, первый не зверь?

— Первый методичнее. Чувствуется, что он последовательно реализует какую-то навязчивую идею. Убийца с востока — мясник. Полный отморозок. Мы называем его Зверь.

— По второму тоже есть ДНК?

— Если по Фантому у нас есть все, что нужно, поскольку он оставил сперму, то по Зверю, наоборот, нет ничего. Видимо, использует презервативы.

Микелис поморщился, сдвинув брови:

— В таком случае никакой он не псих, он владеет собой.

— Может быть, он не кончил... Презервативы — это только предположение.

— А в лаборатории не пытались найти следы смазки?

— Это было... непросто. Сказать, что он зверь, — это еще полправды.

— У вас есть три жертвы, и вы не нашли его лобковые волосы?

— Нет. Ни одного. Ни единого волоска, ничего.

— Он должен был что-то оставить, тем более по трем преступлениям, он не может быть все время чист.

— Просто... каждый раз... это какой-то кошмар. Понимаете, он... он их...

— Ну что? Что он с ними делает?

— Мы считаем, что он их ест.

На этот раз Микелис на секунду замер с открытым ртом.

— Почему вы так решили?

— Следы укусов. Рваные раны, отсутствующие куски мяса. У него огромный рот. Это единственная зацепка, если только нам удастся ее использовать. Судмедэксперт сказал, что это самый большой рот, который он когда-либо встречал. И поразительные зубы.

— То есть?

Алексис сглотнул, его смущали эти подробности.

— Острые. Как будто вся челюсть заполнена клыками.

Криминолог задумался, прикрыв рот крупной ладонью. Наконец, отняв руку, он совершенно серьезно спросил:

— То есть вы охотитесь на вампира?

— Иногда мне так кажется...

— Вы имеете дело с чем-то средним между психотиком и психопатом. От первого — безумие, от второго — дотошность и тщательная осторожность. Довольно необычный случай, я согласен.

— Я вас предупреждал.

Микелис сделал глоток кофе и спросил:

— Какая связь между двумя сериями убийств?

— У трех девушек, найденных на востоке Франции, также имеется буква *e, она вырезана ножом на ягодице с левой стороны.

Микелис какое-то время сидел сосредоточенно, погружившись в свои мысли.

— Вы уверены, что у них разный почерк, что это двое разных убийц? — наконец спросил он.

— Все наводит на такую мысль.

— Еще зацепки?

— По первому — ничего. Второй менее дотошен. Помимо следов укусов мы обнаружили отпечатки автомобильных шин на двух из трех мест преступления.

— Модель машины определили?

— По следам удалось установить расстояние между осями, радиус поворота колес и тип шин. В принципе эксперты НИИ криминалистики¹ считают, что это «рено-твинго» первой модели.

— ДНК в следах укусов? Слюна...

— Ничего... Надо сказать... это каждый раз месиво. Судмедэксперт только руками развел: все залито кровью, она портит весь биоматериал, которого и так крайне мало.

— Итак, у вас есть двое серийных убийц, которые, как вам известно на данный момент, начали преступную деятельность примерно в одно время и подписываются одним и тем же символом.

— Мы не знаем, то ли они действуют сообща и обмениваются опытом, то ли это два урода, которые перед освобождением из тюрьмы договорились устроить соревнование и теперь живут каждый сам по себе. Но они как-то связаны.

¹ Научно-исследовательский институт криминалистики Национальной жандармерии. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Изучите американские дела, например дело Норриса и Биттейкера, Отгиса Тула и Генри Ли Лукаса или, ближе к нам, в Германии, дело Левендела и Вирца. Вы обнаружите, что дуэты серийных убийц существуют. На них можно учиться.

— Я прекрасно это знаю. Но на сей раз они как будто действуют не вместе, а параллельно.

— Это еще предстоит доказать. Необходимо детально изучить дело и узнать больше.

Алексис взглянул на толстую красную папку. Следует ли воспринимать последнюю фразу как ободрение?

Микелис слушал внимательно, с интересом; настала пора рассказать ему остальное:

— Это еще не все, — снова заговорил жандарм. — Месяц назад одна из наших служб по борьбе с педофилией обнаружила, что по интернет-форумам гуляет несколько фотографий: изнасилованные мальчики с красной буквой *e, нарисованной на спине. Два разных мальчика. Все три эксперта-психиатра, с которыми мы консультировались, говорят, что это действует совсем другой человек, — слишком много различий и мало совпадающих деталей между убийством взрослых женщин и надругательством над этими мальчиками.

Алексис выдержал паузу, словно добиваясь большего эффекта, и ледяным тоном добавил:

— Итак, у нас трое преступников, которые одинаково подписывают свои деяния.

Микелис невозмутимо смотрел на него, держа в одной руке фотографию жертвы с родинками, в другой — чашку остывшего кофе.

— По-вашему, это организованная, четко выстроенная сеть или просто бредовое пари между бывшими зэками?